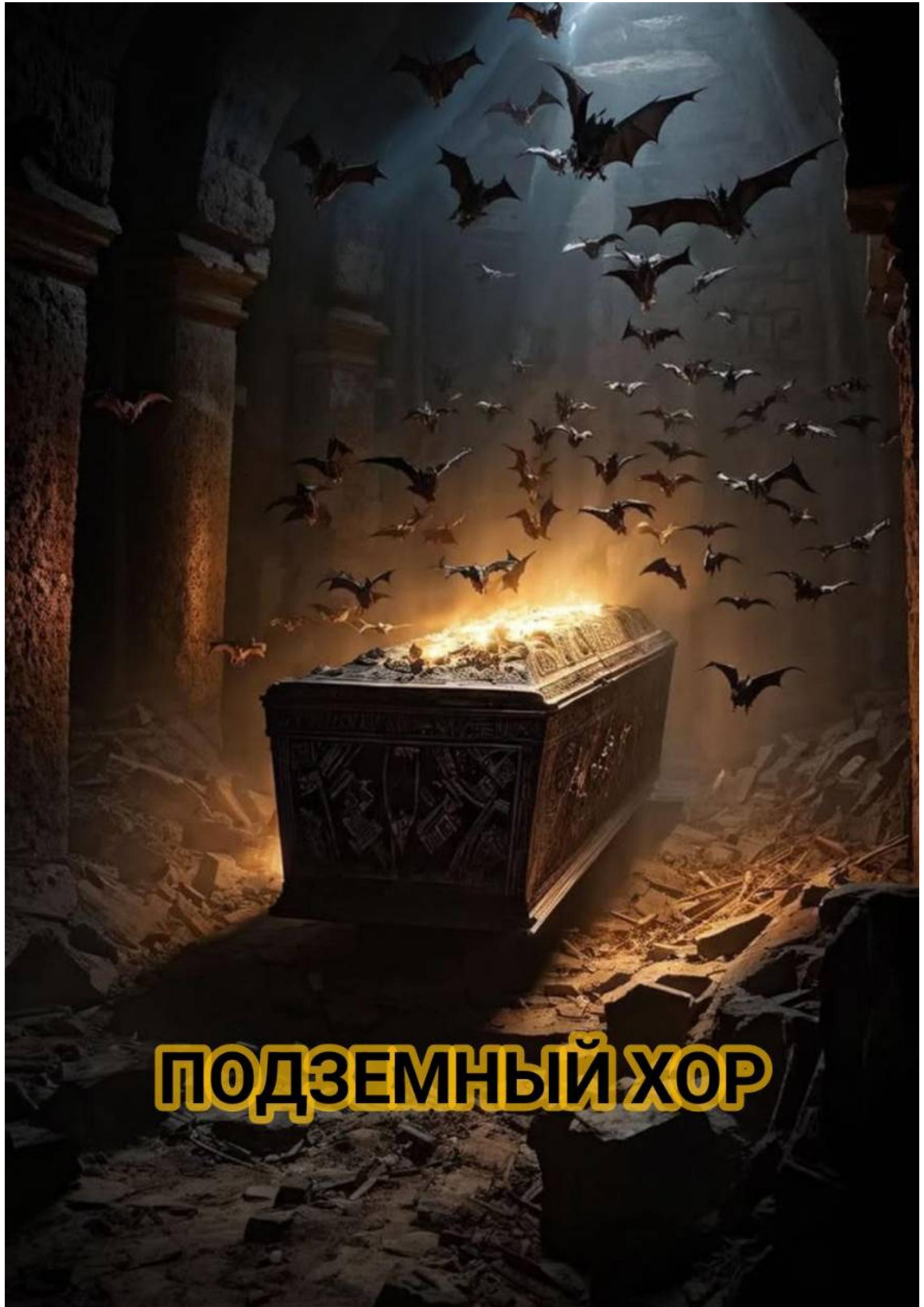

ПОДЗЕМНЫЙ ХОР

Анжела Арден

Подземный хор

«Автор»

2026

Арден А.

Подземный хор / А. Арден — «Автор», 2026

В Вельмограде умирают не от чумы. Их находят с улыбкой на лице и следами пальцев на горле. Перед смертью они поют. Вера слышит в их голосах мелодию своей мёртвой матери. Под городом ждёт то, что уже забрало её голос. Теперь оно хочет её. И оно уже начало петь её именем.

© Арден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анжела Арден

Подземный хор

Глава

Пролог. Записка на двери

В ночь, когда в Вельмограде умер первый человек от чумы, на двери городской больницы появилась записка.

Её никто не видел.

Утром сторож нашёл лист бумаги, приколотый к дереву ржавым гвоздём. Почерк был ровным, почти красивым. Чернила ещё не высохли.

На бумаге было написано:

«Не считайте мёртвых. Они уже сосчитали вас.»

Сторож сжёг записку.

К вечеру он перестал говорить.

Через три дня он умер.

А записка появилась снова.

На этот раз — внутри больницы.

На двери операционной.

Глава 1. Поезд в никуда

Поезд опаздывал на четыре часа.

Вера Соколова сидела у окна третьего класса, обхватив руками дорожную сумку, и смотрела, как за стеклом мелькают мокрые поля. Дождь начался ещё утром и не прекращался. Он не барабанил по крыше — он шёл ровно, монотонно, словно небо решило превратить весь мир в серую пелену.

В вагоне было холодно.

Пахло мокрой шерстью, табаком и чем-то кислым. Напротив Веры дремал пожилой мужчина в дорожном пальто. У дальней стены, съёжившись, сидела женщина с ребёнком. Мальчик спал, прижавшись к её боку, и во сне тихо повторял одно и то же слово:

— Мама... мама... мама...

Вера отвернулась к окну.

В её сумке лежало письмо. Официальное, с печатью губернского медицинского общества. В нём сообщалось, что в городе Вельмограде распространяется эпидемия и требуется немедленная помощь. Ниже, другим почерком, было добавлено:

«Приезжайте. Но не приезжайте одна.»

Вера перечитала эту фразу уже десятки раз.

Она была врачом. Ей двадцать шесть лет. Она видела смерти, болезни, кровь. Она считала, что знает, чего бояться.

Но это письмо пугало её.

Не словами.

Тоном.

В нём звучала не просьба.

Предупреждение.

Поезд замедлил ход.

За окном показались редкие дома — низкие, тёмные, с заколоченными окнами. Потом потянулись пустые поля. Потом лес — чёрный, мокрый, безмолвный.

И вдруг поезд остановился.

Не на станции.

Посреди поля.

Вера поднялась.

— Что случилось? — спросила она у проводника.

Тот пожал плечами.

— Не знаю, сударыня. Дорога свободна.

— Тогда почему мы стоим?

Проводник посмотрел в окно.

Его лицо изменилось.

— Потому что дальше рельсов нет.

Вера выглянула.

Он не лгал.

Пути обрывались.

Прямо перед поездом, в нескольких метрах, рельсы просто исчезали. Не обрывались, не ломались — исчезали. Будто кто-то стер их с земли.

Вагон замолчал.

Потом послышался звук.

Тихий.

Далёкий.

Где-то впереди, в тумане, кто-то пел.

Глава 2. Дорога пешком

Высаживаться никто не хотел.

Но и ехать назад было нельзя: машинист сказал, что пар закончился, а до ближайшей станции — верст двадцать. Вера собрала сумку, накинула плащ и вышла первой.

Дождь сразу облепил лицо.

Она пошла вдоль путей.

Через десять минут позади послышались шаги. Она обернулась.

Догонял мужчина — высокий, худой, в длинном пальто и шляпе. Он нёс чемодан и шёл быстро, почти бегом.

— Вы тоже в Вельмоград? — спросил он, поравнявшись.

— Да.

— Я Марк. Марк Ланской. Писарь городской управы.

— Вера Соколова. Врач.

Он кивнул.

— Значит, вы та самая.

— Какая «та самая»?

Марк не ответил.

Они шли молча.

Туман сгущался. Дорога стала хуже: камни, грязь, лужи, в которых отражалось серое небо. Иногда из тумана emerging силуэты — столбы, деревья, остовы телег. Но когда они подходили ближе, силуэты исчезали.

— Вы часто здесь ходите? — спросила Вера.

— Раньше ездил поездом.

— А теперь?

— Теперь поезд не доходит.

— Почему?

Марк посмотрел на неё.

— Потому что рельсы заканчиваются там, где начинается город.

Вера хотела спросить, что это значит, но впереди показались ворота.

Они были высокими, каменными, с ржавыми створами. Над аркой темнела надпись, выбитая в камне:

ВЕЛЬМОГРАД.

Под ней кто-то добавил мелом:

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ.

Вера вошла первой.

За спиной хлопнула калитка.

Она не обернулась.

Глава 3. Город без лиц

Вельмоград встретил её тишиной.

Не пустотой — тишиной. В ней слышалось всё: капель с крыш, скрип вывесок, шорох ветра в переулках. Но не было голосов. Ни криков. Ни разговоров. Ни собачьего лая.

Только где-то далеко, за рядами домов, кто-то кашлял.

Сухо.

Надтреснуто.

Словно пытался откашлять не мокроту, а собственный голос.

Вера и Марк шли по главной улице.

Дома стояли плотно, стена к стене. Окна были закрыты ставнями. На дверях висели объявления о карантине, но бумага на них размокла, и буквы расплылись в серые пятна.

На одной лавке мелом было написано: «Хлеба нет».

На другой: «Не входить».

На третьей — только крест.

У перекрёстка стояла женщина в чёрном платке.

Она держала в руках свёрток и смотрела на Веру так, будто ждала её.

— Вы врач? — спросила женщина.

— Да.

— Из города?

— Из губернии.

Женщина кивнула, но не подошла ближе.

— Тогда не ходите в переулок за пекарней.

— Почему?

— Там живут те, кто ещё не умер.

Вера нахмурилась.

— Это как понимать?

Женщина прижала свёрток к груди. Пальцы у неё дрожали.

— Как хотите. Только если услышите, что кто-то зовёт вас по имени из-под земли — не отвечайте.

Она повернулась и ушла.

Вера смотрела ей вслед, пока чёрный платок не растворился в тумане.

Потом посмотрела вниз.

Между булыжниками, в узкой щели, лежала детская туфелька.

Она была почти новой.

Глава 4. Больница Святой Марфы

Больница занимала старый монастырский корпус.

Когда-то здесь жили монахини. Ещё виднелись ниши для свечей, узкие окна в свинцовых переплётах, каменная арка над входом. Теперь над аркой висела табличка:

ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН.

Вера постучала.

Дверь открылась не сразу.

Сначала из-за неё донёсся запах — резкий, едкий, от которого першило в горле. Потом слышались шаги. Наконец дверь приоткрылась, и в щели показалось мужское лицо: бледное, с тёмными кругами под глазами.

— Кто вы?

— Вера Соколова. Меня вызвали из губернского общества.

Мужчина посмотрел на неё долго.

Слишком долго.

— Вы приехали до заката, — сказал он наконец.

— Разумеется. Дорога заняла...

— Хорошо. — Он распахнул дверь. — Входите. И не оборачивайтесь, пока не окажетесь внутри.

Вера шагнула через порог.

За спиной хлопнула дверь.

Тяжело.

Глухо.

Словно кто-то опустил крышку гроба.

Мужчина был высок, худ, в испачканном фартуке поверх тёмного сюртука. На нём были очки в тонкой оправе, но одно стекло было треснуто.

— Марк Ланской, — представился он. — Писарь городской управы. Сейчас... помогаю, чем могу.

— Где главный врач?

— Умер во вторник.

— А его помощник?

— В четверг.

Вера сняла плащ.

— Сколько больных?

— Не знаю. Мы перестали считать, когда закончились свободные койки.

Они пошли по коридору.

Пол был выложен старым камнем, тёмным и неровным. Вдоль стен стояли койки — слишком близко друг к другу. На некоторых лежали люди. Кто-то дышал часто и мелко. Кто-то не дышал вовсе, но его ещё не унесли.

У дальней стены сидела старуха и раскачивалась вперёд-назад.

Она шептала что-то без остановки.

Вера подошла ближе.

— Что с ней?

— Она потеряла сына, — ответил Марк. — Три дня назад.

— Она говорит с ним?

— Нет. — Марк остановился. — Она говорит вместо него.

Старуха подняла голову.

Глаза у неё были сухими. Совсем сухими, будто слёзы в них выгорели.

— Он не ушёл, — прошептала она. — Он зовёт меня. Слышите? Он зовёт.

Вера наклонилась к ней.

— Кто зовёт, матушка?

Старуха замолчала.

Потом медленно подняла руку и указала в пол.

— Оттуда.

Вера посмотрела вниз.

Каменные плиты были старыми, потёртыми. Между ними темнели швы. Ничего особенного — просто пол, по которому ходили люди, неся воду, лекарства и мёртвых.

Но в этот момент где-то глубоко под ними что-то шевельнулось.

Не звук шагов.

Не скрип.

Что-то мягкое.

Тяжёлое.

Словно под полом, в темноте, повернулась на другой бок целая толпа.

Вера выпрямилась.

— Здесь есть подвал?

Марк смотрел на неё странно.

— Есть катакомбы.

— Под больницей?

— Под всем городом.

Он помолчал.

— И под больницей тоже.

Глава 5. Список

Вечером Марк привёл её в маленькую комнату, которая раньше была, вероятно, кельей.

Здесь стояли стол, шкаф, кровать и свеча. На столе громоздились бумаги.

— Это списки умерших, — сказал Марк. — Я веду их с начала эпидемии.

Вера села.

— Покажите.

Он протянул ей тетрадь.

Почерк у него был аккуратный, почти каллиграфический. Имя. Возраст. Дата смерти.

Симптомы. Иногда — короткая пометка: «сирота», «портной», «дочь мельника».

Вера листала страницы.

— Здесь чего-то не хватает.

— Чего?

— Причины смерти у некоторых не указана.

— Потому что мы не всегда успеваем её установить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.